

ПЕРСОНА

Элина НИКОЛАЕВА

Как же ты не будешь давать интервью? Есть такое понятие, как медийность... Перестанешь давать интервью, не буди никому приглядывать...

— В принципе вы правы, потому что, увы, всем правят не режиссеры, а продюсеры. Не его величество режиссер правит на площадке, а его величество продюсер. Продюсеры собираются в Ялте, устраивают себе жирный форум и договариваются, какие фиксированные суммы они будут платить артистам. Это нонсенс. Давайте еще МВД соберется и решит, сколько можно воровать продюсерам, а сколько нет. Это очень смешной вопрос, хотя они, конечно, мечтают все деньги класть себе в карман. Главная цель у продюсеров — это стырить деньги.

— Но ты согласен, что нужно быть медийным, быть постоянно в обойме, чтобы у тебя брали интервью.

— Не совсем, хотя Евстигнеев тоже говорил: надо мелькать и мелькать.

— А кинофестивали для тебя не важны?

— Мне это неинтересно. Это обмытые камни.

— А может, тебя не приглашали?

— Приглашали, и очень усиленно, каждый год. Кухать водку, присутствовать там за еду, за жарочку, за харчи — мне это абсолютно неинтересно. Я могу это делать, не выезжая из Москвы.

— Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Первое интервью, которое у меня брали для "МК", было в 73-м году. Я помню каждое слово. В "Современнике" повесили эту статью, все читали и комментировали. Ольга Николаевна Андровская (народная артистка Советского Союза, ученица Станиславского и Немировича-Данченко) говорила корреспонденту "МК": "Вы его не хвалите, а то он зазнается. Он человек талантливый, но очень нервный, чуть что — сразу в драку лезет". А еще она говорила: "В театр надо идти от избытка здоровья. Отменять спектакли можно только в одном случае: когда вперед ногами. Никаких болезней, никаких "плохо себя чувствую"... Поэтому я сейчас в Красногорске, где Пехча лечит ногу, ставлю себе пивячки. Говорят, что пивячки всю дурную кровь высасывают.

— Но все-таки — ты поправился?

— Наоборот, похудел на 10 килограммов.

— Сколько ты сейчас весишь?

— 123. Я достаточно много зарабатываю, но у меня нет никаких накоплений, глупо их делать в нашей стране. Может быть, люди, которые копят, выводят активы за рубеж и правильно делают. Но это не моя чашка чаю.

— Кроме пивячек как ты еще лечишься?

— Каждый год (стараясь даже два раза в год) ездю в Карловы Вары.

— Это дорого?

— Достаточно. Гостиница "Дворжак" стоит 140 евро, простой одноместный номер. В общей сложности это стоит 3000. Я могу жить в одноместном номере, мне абсолютно не принципиально жить в "люксе". Для меня важно лететь в бизнес-классе. В этом я себе не могу отказать. Даже если нет народа, я все равно беру бизнес-класс.

— Где еще бываешь кроме Москвы и Карловых Вар?

— Езжу со спектаклями по всему миру и по всему бывшему Советскому Союзу. Нет дырки, где бы я не был.

— В какой ты форме сейчас находишься как актер? Когда работал в "Современнике" у Волчек, ты был в лучшей форме?

— Нет, не думаю. Потому что актеру нельзя только работать... сосуды обязательно должны наполняться. Обязательно нужно что-то видеть, наблюдать... Что такое артист? Мне безумно был интересен Дима Нагиев, но он не работал. Он стар считал, что он пуп земли, и стал абсолютно неинтересен.

— Антреприза портит актера? Это же конвейер по зарабатыванию бабок...

— Это режиссеры говорят, что антреприза портит. Хотя сами, как умалишенные, ставят один и тот же спектакль по всему миру, и это их не портит. Это их обогащает. Ха-ха.

— Но театр это ведь место, куда актеры приходят как домой, где они проживают жизнь...

— Это не мои слова, а гения, реформатора русской сцены Станиславского, который говорил: каждые семь лет театр должен обновляться. А если десятилетиями один и тот же человек толчет воду в ступе... И все режиссеры как наследные принцы... И даже назначаются по принципу: кто ближе к Министерству культуры...

— Ты не жалеешь, что ушел из "Современника"?

— Я только об одном жалею, что меня раньше не выперли.

— А ты с Волчек в хороших отношениях?

— Ни в каких. У нас с ней нет точек соприкосновения. Она за спиной говорит, что меня любит. Это замечательная манера вообще... Все всех любят, принимают в общественные советы. Также карикатура — общественные советы. Просто все куры съели от смеха... Был бы я в таком совете, мало бы не показалось.

— Возьми организуй свой общественный совет. Какой бы ты хотел?

— Народных мстителей. Мы бы с Риммой Марковой дали там...

— Ты и так народный мститель...

— Знаете, почему это последнее интервью, которое я даю вообще газетам и журналам? Я недавно дал интервью телевизионному журналу, и сразу очень многие перестали со мной общаться, поэтому я заканчиваю. В газете никто не слышит интонации, с которой я говорю, а у меня интонация абсолютно добрая, не злобная.

— Как тебе гостиницы с тараканами? Не утомят тебя, любителя роскоши, российский ненавязчивый сервис?

— Знаете про Мейерхольда? Он вышел на улицу, смотрит: все ужасно — дождь, слякоть. Как к этому относиться? "Вот дождь, слякоть, я могу бегать по лужам", — сказал Мейерхольд. Это смотря какое отношение. Почему нельзя сказать: ах, какие прекрасные тараканчики... Не бойся грязи внешней, бойся внутренней... В провинции люди очень чистые и достойные.

— Что ты так запал на антрепризу, хороший гонорар платят?

— Здесь все вкуче, я собираю залы... Эстрада, кстате, ничего не собирает. Только Сердючка, КВНы... А на антрепризы народ ломится... "Фабрика звезд" собирала, но после них выжженная земля, и полгода туда уже точно можно не ездить. Все облевано, обо... И залы, и гостиницы, и примерные. Они говорят, что они артисты. После этого не знаю, как нас называть. Если они артисты, то мы — зеро.

— В Китай ты тоже с антрепризой ездил?

— Я был на фестивале "Амурские зори". Это фестиваль антреприз, а значит, звезд, потому что на антрепризу будут ходить, только если есть звезды. В каждой антрепризе как минимум две звезды. В Благовещенске, не самом богатом городе, собрались эти звезды, и как подарок всех свозили в Китай. Там тоже был конкурс антрепризных спектаклей, и все первые лица поехали. Я взял туда пустой чемодан, думал, накуплю себе вещей. Какое?! Там все китайцы ростом с сидящую собаку, и я ничего себе не нашел. Все, что можно, взял в Благовещенске. Знаменитые китайские капсулы для похудения. Их нужно принимать утром за полчаса до еды. Я их отдал на экспертизу в Карловых Варах. Сказали, что в каждой капсуле по пачке зеленого чая. У меня от них намного снизился холестерин, но сердцебиение теперь до 120, учащенное.

— Сердцебиение возникает, когда ты понервничает, от алкоголя...

— От всего. Есть вещи, которые могу в три секунды... Есть элементы профессии. Я могу мгновенно заплакать, могу сделать сумасшедшее давление, только не могу мгновенно писать... Шутка.

— Где в Китае ты был?

— В Харбине. Меня все поразило. Две сверхдержавы в мире — Америка и Китай. Третьих не бывает.

— Не забывая про патриотизм!

— Я рассказываю как есть. Я никогда не забуду историю с "Курском". Когда отец погибшего мальчика выступал и говорил: что, мы Запад будем пугать голой жопой...

— Вот после таких высказываний тебе и не дают народного!

— Главное — заработать имя артиста, а не звание. Это придумали бездарности. Надо шесть инстанций пройти, чтобы утвердили звание. В последней инстанции — все всегда единогласно голосуют против меня. Мне это очень приятно, что единогласно. И во второй раз, и в третий мне это было очень приятно. Достаточно средние артисты проходят там без сучка и задоринки.

— Кто, по-твоему, средние артисты?

— Включите телевизор и посмотрите, кто в сериалах играет.

— Ты рассказывал, что в некоторых городах стал персоной нон грата у местных властей...

— Ну не знаю, потому что народный мститель, наверное. Я помню, еще когда была мама жива, я утром просыпался и говорил: не буду. Она: чего не будешь? Ничего не буду. Просто, наверное, такое чувство протеста.

— А у тебя мама рано умерла? Сколько ей лет было?

— Это не важно. Не буду это рассказывать. Это мой огород, в который я не буду никого пускать. Это абсолютно неинтересно. Есть личные вещи. А вообще, есть артисты, которые рассказывают про свою личную жизнь, это большая глупость.

— Мама в Москве похоронена?

— Нет, в Воронеже.

— Ты из Воронежа сюда уже один приехал?

— Один. Отец очень хотел меня устроить в военное училище. Были заплачены деньги, а я украл деньги и уехал, хотя знал, что он меня так отомстит, что я не успею "мама" крикнуть. Возвращаться домой было невозможно. И я поехал в Ярославль, в театральное училище. Там тоже не приняла. Хотя сейчас пустили сплетни про меня, что я закончил Ярославское театральное училище. На самом деле меня взяли на Ярославский моторный завод. Я поработал и на следующий год поехал в Москву. Не был таким наглым, и меня приняли. Мама была учительницей.

— Как звали маму?

— Нина Васильевна Прокопенко.

— Ты на нее похож?

— Наверное. Она хохлушка.

— Ты был пакистаный школьник?

— Я не помню. Я помню, когда закончил воронежский интернат, то учителя устроили банкет и сказали, что большего дурака они не видели. А когда потом начал сниматься в кино, то в Ле-

В 1973 году в "Московском комсомольце" вышло первое интервью Станислава Садаляского. Теперь, в 2005 году, как сказал сам Станислав, он дает последнее интервью для прессы и опять же для "МК". Это не обычный каприз актера. Он считает, что говорить искренне ему просто опасно. Не так поймают. Очень многие воспринимают его слова превратно, и это доставляет ему слишком много неудобств. Садаляский за словом в карман не полезет. Недавно он, к примеру, прошелся по Павловскому. Все решили, что это он про кремлевского политтехнолога, а он, оказывается, имел в виду режиссера Павловского, снявшего "Зеленый фургон". Такова вся жизнь этого артиста... скандалиста.

Станислав САДАЛЬСКИЙ:

"Простите меня, люди добрые!"

МСТИТЕЛЬ ПОЖИЗНИ

С партнершей по антрепризе Аллой Довлатовой.

нинской комнате повесили мой портрет.
— Ты им что-то сказал по этому поводу?
— Нет, запломатили только глупые люди.
— В каких городах ты персон нон грата?
— Вологда, Волгоград, Воронеж. При нынешних губернаторах я не смогу туда приехать.
— То есть местная оппозиция перед выступлением тебя накручивает и просит, чтобы ты выступил со сцены?
— Нет, просто я смотрю и вижу. Что люди боятся сказать... А мне-то чего не поддержать народное мнение, да еще со сцены сказать? А потом 15 минут оваций... Это то, ради чего идут в актеры.
— Кстате, гонорары зависят от оваций?
— Актерская работа одна из немногих, где меньшее значение придается деньгам, а большее хорошо сделанной работе. Можно сниматься абсолютно бесплатно, если роль хорошая.

— От чего зависит гонорар?
— От продюсера.
— Если не все билеты проданы?
— Отменяется спектакль. Нет смысла проводить аренду зала очень дорогая. Да и артистов нужно разместить в гостинице...
— А кто у вас продюсер?
— У меня два продюсера — Курашинова и Котлов. Он сделал два спектакля со мной и с Руслановой.
— Сейчас ты с Руслановой работаешь?
— Нет, Нина по башке мне дала стулом, и мы с ней разбежались.
— В связи с чем она тебе дала стулом по башке?
— Об этом история умалчивает. Спросите у Нины Ивановны. Она великая артистка. Я ее люблю.
— А с Ларисой Удовиченко когда вы разругались?

— Уже прошло время. Я Ларису несравненную люблю. У меня сейчас вместо нее другая партнерша — Алла Довлатова, новое, сумасшедшее имя.
— Чего в ней сумасшедшего — обычная ведущая на радио...
— Это вам так кажется. Она закончила театральную, у Владимировой училась. Она мать двоих детей, работает, как мышья, достойная, образованная, у нее потрясающий тембр голоса. Она ни о ком не говорит плохо. Когда-то она Нагиева привела на радио "Модерн". Оттуда и пошел Нагиев. Как-то он пытался продемонстрировать, какой он свободный, и показал ей причинное место. Она говорит: бже, какой маленький, как кедровый орешек. И после этого он перестал с ней разговаривать.

— Я смотрю, ты к Нагиеву прямо неравнодушен.

— Почему? Он мне очень нравился. Когда он пригласил меня на съемки, я сказал сумму. Он говорит: нет, больше меня Садаляский получать не будет. И категорически уперся, хотя продюсеры были ослеплены заплачкой. Вот такая мелочь говорит о человеке. Еще была передача по телевидению, и он сказал Боарскому: какие вы несчастные, Садаляский — Кирлих всю жизнь, а вы — мушкетер. Боарский ему ответил: да, и вас мне жаль... Вот с Алкой (Довлатовой) на сцене просто безумно играть... Мне сейчас просто безумно сладко с ней играть на сцене.

— Стас, а вообще какие тебе девушки нравятся? Ты видела, что ты больше дружишь с какими-то старыми тетками...

— Это не ваше собачье дело.

— Почему тебе больше любят всякие бабки?

— Почему жопа съела ветчину? Обычно красивые женщины достаточно глупые. Здесь просто олицетворение глупости, добра, ума, красоты, достоинства — все вместе. Чем еще Довлатова потрясающая: она ни о ком не говорит плохо. Хитрость — тоже разновидность ума. Довлатова, наверное, — мой крест.

— Не пошел бы ты на радио, к ней на прямой эфир, и не было бы у тебя никакой Довлатовой.

— Наверное. Ничего случайного не бывает. Я никогда не хожу за бесплатно на эфиры. Все платят деньги. Малахов платит 500 долларов, Ханга — 200 долларов.

— А Довлатова тебе, что, тысячу дала?

— Нет, просто здесь очень много сошло обстоятельств. Я тосковал по радио, по той радиостанции, на которой я работал. У меня было три радиостанции, РДВ, потом я ушел на "Серебряный дождь". Меня там отстранили от эфира на месяц.

— Тебя наказали за что-то?

— Да. За то, что я позвонил Гордону в эфир. А у них была война с Михалковым... Гордон в эфире спрашивает: "Какую хотите песню послушать?" А я искренне позвонил и сказал, что хочу послушать "Мохнатый шмель". Потом мне рассказали, что он бился в падуе и кричал, что это издевательство, и не поставил песню... А меня отстранили на месяц за то, что такие нервные ситуации создаю... Фактически меня вынудили уйти. Я перешел на радиостанцию "Рокс". Оттуда меня тоже... это уже друг Лолиты заплатил за меня сумасшедшую сумму...

— А ты сейчас видел новую программу Лолиты "Без комплексов"? Тебе понравилась?

— Видел. Нет. Есть перебор, ей ведь уже не 22, а чуть-чуть больше.

— Ты как актер оцениваешь?

— Для меня Малахов интереснее и достойнее. То, что делает Малахов, — это уникально. Довлатова

рассказывает, что была с ним вместе на Валааме и там его воспринимали как родного, настолько он искренний.

— У тебя все есть: квартиры, деньги, красивые женщины. Почему у тебя нет жены?

— Это не ваше собачье дело.

— А дети есть?

— Есть.

— Сколько лет ребенку?

— Отец не тот, кто родил, а тот, кто воспитал. Как к нам относились, так и мы относимся. Мы несем свое звание: нас бросили, и мы бросили. Что мне рассказывать, ведь мы до сих пор не разведены... Что это рассказывать? Это глупо и недостойно...

— У тебя очень сильная любовь к красивой жизни. А на что ты тратишь деньги?

— На тебя. Вот мы с тобой сидим в роскошном ресторане, роскошное шампанское пьем.

— Больше всего в жизни ты любишь погреть?

— Да, наверное. Потом мучаюсь — зачем я как свинья наелся.

— Денег не считаешь?

— Такие вещи нельзя говорить: на что ты тратишь деньги, кому даешь. Кому помогаешь, тоже нельзя говорить. Для меня олицетворение благотворительности — это Анастасия Вертинская. При ее самолюбии она часто просит за бедных людей. Понимаете, легко помогать суперизвестным артистам. А вот помогать Тютюкину и Блюмкину, которых очень много... Это маленький подвиг. Когда она тратит эти деньги, у нее есть специальная распечатка, список: сколько денег дали, что потрачено, все за протоколировано до одной копейки. Не то что все эти фонды, кассы, детские дома... Я бы запретил детские дома и интернаты. Потому что люди выходят из них со сломанной психикой.

— Ты же сам из интерната...

— Да. Я тут видел передачу, что вообще нужно это отменить, нужно отдавать детей в семьи.

— А в семьях их быют, на органы продают.

— Это было три случая. Дома и фонды делают специально, чтобы тырить деньги. Для чего существует фонд пенсионеров? Чтобы тырить деньги!

— Что-то в последнее время тебя не было в рекламе, а тут я увидела тебя в рекламе ковра.

— А почему нет? Не надо строить из себя вальдгейскую целку. И потом, я рекламировал не ковер, а магазин, в котором товары только высокого качества.

— Сейчас очень много актеров, которые раскрутились благодаря сериалам. Ты им завидуешь?

— Да ужасно, страшно. Боже, какая у них красивая жизнь! Я им только одного желаю: чтобы они жили такой плохой жизнью, как я. Я не смотрю сериалы. Какая страна, такие и герои. Уже можно больше не снимать ни одного фильма.

— Какое кино ты смотришь? Какой у тебя любимый актер — Джонни Депп?

— Нет.

— Сейчас все должны любить Джонни Деппа, если не его, то Брэда Питта, на худой конец Тома Круза...

— Это американские кашки, которые мне абсолютно неинтересны. Кто такой актер? Это тот, кто владеет жанром трагикомедии! Я ученик Станиславского, внук. Поверьте, в провинции есть потрясающие театры. Недавно я посмотрел спектакль, называется "Кукла для невесты". Играют неизвестные артисты, но с ума можно сойти. Это настоящий русский театр.

Надо помнить, что Голливуд основали русские армяне. И Грета Гарбо, и Мэрилин Монро учились у Михаила Чехова. Не надо забывать, откуда корни, это русские корни. Ничего нет выше русской драматической школы. Весь мир учится на этой школе.

— Вот мне говорят: ну что ты носишься со своим Садаляским, и правильно ему не дали народного, он противный, толстый и неартистичный. Пусть сначала голову помоет и матом перестанет ругаться...

— Хорошо, будем следовать этому совету, и у нас все получится.

— И все-таки в чем твой феномен, как ты думаешь?

— Спроси у народа. В искренности. Я никогда не вру.

— Как тебе удается дружить с людьми, с которыми ты уже один раз испортил отношения? Вот с Нарусовой...

— Нет, я не испортил отношения. Для меня она несравненная Люсинда, которую я люблю. Я по гроб жизни не забуду ни ее, ни Анатолия Александровича. И Люся как никто это знает. Если что случилось — из-за ее неуправляемой девочки, которую я терпеть не могу и не хочу о ней говорить. А Люся — она несравненная. Она удивительный человек. То, что она сделала по немецкому фонду... Ведь все люди, которые делают фонды, — воруют. Люся остановила этот поток воровства. Никто не мог сказать плохого слова о том, что сделала Люся, но ее все равно отстранили из-за дочери. Я сказал по поводу дочери, что думал. Обида смертельная. Мне жалко. Все равно я знаю, что ты меня любишь и я тебя люблю. Я прошу прощения и у Ларочки Удовиченко. Ларочка считает, что я сделал поганое интервью с ней... ну как считает, так и считает, но я все равно прошу простить меня за мои прегрешения вольные и невольные. Я все равно ей благодарен, потому что она меня научила дружить с полезными людьми и брать от них по максимуму. За это я благодарю Ларису.

— Еще у кого прощения просишь?

— Я прошу прощения у всех журналистов (газетных), с которыми больше никогда не буду разговаривать.